

По отношению к классике уместно понятие «познание» как отражение, снятие копий с предмета, поскольку право и его конечные причины принадлежат объективному миру. Определение истины как соответствие представлений внешнему миру, вопросы о познаваемости и методах познания правовой реальности также покоятся на античных рефлексиях. Оценочные суждения с позиции совершенных начал заложили аксиологическую традицию философии права, востребованную и в наши дни.

Для модерна понятие «познание-отражение» уместно лишь для позитивистского подхода, но не корректно по отношению к кантианской и гегелевской эпистемологии. Для И. Канта познание – это конструирование правовых явлений как предмета познания. Для Г. Гегеля – самопознание (мышление о мышлении). По отношению к представлению о праве как сфере должного (не сущего) и как способу присутствия, определения и вопросы прежней гносеологии утрачивают силу. Понимание, истолкование – более точные понятия для характеристики процедур исследования права.

Методология интерсубъективизма дистанцирует правопонимание «пост-философии» от прежней эпистемологии. Смысловая реальность не содержит в себе онтологических разметок, объекта и субъекта, сущности и явления, должного и сущего как предпосылок правопонимания. Тем самым познание – не отражение, не конструирование и понимание предмета, а форматирование смысловой реальности, жизненного мира. Метод – непосредственное межличностное взаимодействие, взамен опосредованных социальными институтами узаконенных ролевых отношений. Этический дискурс, в рамках которого ключевые понятия (свобода, справедливость, достоинство) не являются правовыми идеалами или характеристиками правовых институтов модерна, а должны стать процедурами процесса законотворчества, фактами образа жизни большинства.

The article deals with the problem of the study of law in the period of transformation

УДК 300.36:465

В. Л. Рожковский, Е. В. Максимик, В. В. Юрченко
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И СЛАВЯНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В статье рассматривается влияние ментальности на трансформационные процессы в обществе. Основные результаты: в обществах переходного типа имеет место эффект запаздывания и разбежки во времени идентичности и социальных институтов, идентичность традиционного общества на эмоционально-

психологическом уровне уживается с институтами модерна, препятствуя раскрытию их потенциала.

Если для европейцев вопрос об идентичности решается на рубежах модерна и постмодерна, то на постсоветском пространстве для славянских народов речь идет о трансформации ментальности и институтов традиционного общества в идентичность и институты модерна.

Подобная задача уже стояла перед нами, правда, пару столетий назад и в составе другого государства. Это обстоятельство вызывает вопрос о том, какие особенности славянской души, «природы» погасили «волю к земле» в прошлом и влияют сегодня на процессы унификации постсоветского социума.

Россия начала XIX столетия стояла на пороге трансформации традиционного общества в индустриальную цивилизацию, что, помимо восстания декабристов, положило начало двум течениям общественной мысли, не утратившим своего значения до сего времени: славянофильству и западничеству. Исторический выбор и, как следствие, вопрос о славянской идентичности – предмет противостояния двух направлений.

Отмечая соответствие российского уклада жизни ментальности народа, А. Хомяков (один из основателей и теоретиков славянофильства) видел своеобразие и преимущество славян перед европейцами в «нравственно-личностном, духовном начале» общественных отношений, наследии предков, сохраненном славянами. Стало быть, разрушать целостность жизни заимствованиями форм жизни или пропиткой имеющихся отношений юридическим началом не имело смысла. Тем более что правовой характер отношений между людьми, пришедший на смену нравственности, по его мнению, – свидетельство деградации общественной жизни европейцев. А. Хомяков выделил две черты славянского менталитета: личностное начало (в публичных отношениях присутствуют лица, не роли), а поскольку лица высоконравственны, пропитаны православными ценностями, то и общественные отношения человечны, т. к. регулируются традициями и моралью.

Непосредственный характер публичных отношений и нравственная регуляция присущи традиционному обществу. Божественная мораль-право обращена к лицам, но регулирует хозяйственные, сословные, гражданские и прочие отношения между людьми. Цивилизация модерна подвела черту под связью лиц в общественных отношениях, регулируемых моралью и традициями, и положила начало социально-ролевым отношениям, опосредованным социальными институтами и регулируемых правом. Мораль уместна в отношениях между лицами, но бессильна перед материальными и статусными интересами социальных субъектов.

Европейцы создали социальные, опосредованные способы разрешения конфликта интересов (рынок, институты представительной демократии, право-

вое равенство не только классов, но гражданина и государства), где действуют не лица, а социальные субъекты. Над межличностными отношениями утвердились опосредованные и доминирующие экономико-политические ролевые отношения, предмет правовой регуляции. Социальный тип идентичности уместен там, где лица выбирают роли (идентичности) и смиряются перед межролевыми правилами.

Справилась ли с вызовом Россия, смогла ли создать или позаимствовать формы опосредованных отношений между людьми? Ответ отрицательный. Даже спустя столетие (в начале XX века) «отцы русской демократии» не успели довести дело до конца (ограничились Государственной Думой и отречением царя от власти), поскольку были сметены ментальной контрреволюцией под европейскими знаменами.

Неспособность к форме, скачку за рамки непосредственных отношений между лицами, регулируемых моралью (с октября 1917 г. идеологией, сегодня, «понятиями»), к ролевым взаимоотношениям, регулируемых правом, – общее место в упреках со стороны европейцев. Они всегда подчеркивали неспособность славян к форме и смирению перед правилами (О. Шпенглер). Правда, и для славян это не было секретом с XIX столетия: «... широки натуры русские, нашей правды идеал не влезает в формы узкие юридических начал» – стрелы сатирика Б. Алмазова в сторону славянофилов.

Следствием неспособности к форме (скачку) стала болезнь русской жизни – «европейниченье», заимствование социально-политических и экономических институтов, форм быта, идей, ценностей и пр. (Н. Данилевский) С учетом сегодняшнего опыта, «европейниченье» – это и имитация следования европейским образцам. Социально-политические институты тамошние, однако, ментальная начинка сословно-межличностная, традиционная. По убеждению Н. Бердяева (статья «Духи русской революции»), подобная разновременность, разбежка во времени формы и ментальности – причина множества бед, а в свете «вестернизации» (навязывание всему миру американизма) не только славянских народов. «Западник» П. Чаадаев расценивал верность корням весьма негативно: «мы растем, но не развиваемся» (застыли в межличностном типе общественных отношений) и, в отличие от европейцев, оказались вне истории (не привнесли ничего нового, сравнимого с социальным).

Попытки стать на рельсы модерна в XIX века и в начале XX века не удались, экономический уклад и политическое устройство остались соответствующими менталитету традиционного общества.

Каковы результаты очередного вызова цивилизации модерна, унификации? Видимость успеха очевидна – европейские институты на славянских землях (рыночная экономика, парламент, выборы и пр.), но механизм функционирования пропитан прежней ментальностью, господством личных отношений и неписаных правил над ролевым правом; мотивация первых не ду-

ховность, классовый или общий интерес, а личное потребление знаков престижа – власти, богатства, славы. «Сумеречная зона идентичности» (не артикулированный эмоционально-психологический срез ментальности) «заземлила» институты европейцев, не позволив провести черту между личными и публичными отношениями, «Я» и социальной маской. Не случилось социальной идентификации, приятия социальной роли и ролевых правил, а, напротив, приватизированы роли. Проще говоря, институты опосредования заселены лицами, а не социальными субъектами, освоены нашей ментальностью, а не наоборот.

Пока веяния с Запада затронули лишь поверхность нашей ментальности, в частности, позволили выйти из подполья стремлению к личному успеху, долгое время скрывавшемуся за «служением общему благу». Однако наши «широкие натуры» уже далеко не те, о которых писал А. Хомяков. Опущенные на землю, они озабочены не небесным светом, а теперь и не светлым будущим, а земными благами здесь и тотчас. Заявляя о приверженности европейскому дискурсу, они прельщены не достижениями модерна (социальными отношениями), предпосылками европейского благополучия, а его материальными плодами. Более того, не поспев за цивилизацией фабричных труб (ее дни сочтены, а ценности не усвоены), наши натуры тотчас подсели на потребление, но не вещей, а знаков престижа угасающей цивилизации. Ты есть то, что потребляешь (рекламное клише: табун под капотом, говорит о тебе больше, чем твоя визитная карточка).

Проблема не в потреблении качественных вещей и услуг, доступных состоятельным лицам, а в средневековом переживании и демонстрации успеха, знаками которого являются власть – деньги – известность. Не родовитость и личные достоинства, а они являются сегодня «голубой кровью», которая «дает право» на привилегии, недоступные «простым смертным». Иными словами, ментально, на эмоционально-психологическом уровне, мы не готовы признать другого личностью равной себе, – тотчас указываем на материальные или социальные свидетельства успеха, однако, играть по социально-ролевым правилам не обучены, более того – не желаем.

Если нам не по силам раздвоится на «Я» приватное и социальное и идентифицировать себя с ролью, возможно ли «очеловечить» позаимствованные политико-экономические отношения посредством нравственного возрождения? Едва ли, поскольку нравственно-личностная, православная духовная ткань (на что уповали славянофилы XIX века) истончилась еще в начале XX столетия под напором классово-личных земных интересов. Беда с тех пор усугубилась, личностное начало, не обремененное верой и моралью, не ведающее права, сбросило последние оковы – общее благо, служение светлому будущему. Устоит ли мораль перед последним европейским искушением – потреблением знаков престижа?

Но дело не только и не столько в искушениях и прочности моральных устоев. Европейский опыт показал: мораль была вытеснена на периферию общественной жизни социальными отношениями и правом, т.е. социальной идентификацией. Нам пока такая напасть не грозит. Но тем не менее и при личностном типе общественных отношений возможен как внутренний, так и внешний раскол, связанный, однако, не с социальным или профессиональным выбором, а с моральным выбором жизненной позиции: участвовать в «грязном деле» (политике, экономике) или дистанцироваться от всего этого по этическим соображениям. Мораль как форма идентификации оставляет место раздвоению личности на «я», живущие по «понятиям» (псевдосоциальная идентичность), и «Я», чья этико-метафизическая «самость» не позволяет человеку быть публичным. Это не только внешний раскол между людьми (расслоение), но и «раздвоение личности» – нередкое в постсоветский период, время испытания моральных устоев. Выбор метафизических ценностей, нравственная идентификация в прошлом и сегодня означает неприятие социума, в котором правят «понятия», равным образом это свидетельствует о нежелании принимать участие в профанации европейских институтов.

С «очеловечиванием» общественных отношений придется повременить по причине невозможности, они нуждаются не в христианах, а в социальных субъектах и в правовом регулировании. По европейским меркам со времен Н. Макиавелли мораль – вне политики как форма регуляции политических отношений. И по меньшей мере столетний отечественный опыт подсказывает – мораль и те, кто идентифицируют себя с ней, держатся особняком от мест, где решается вопрос о власти, богатстве и славе. Сословно-политическая составляющая раскола славянской идентичности (политики и порядочные люди), столь привычная для нас, перестанет иметь место, если случится социальная идентификация и живущие по понятиям, в конце концов (сорок лет пустыни), станут не моральными, а, вопреки последним искушениям, социальными субъектами.

И все же на какое-то время мы вровень с европейцами. Для них, после смерти социального, европейская представительная демократия и право канули в лету, вместо нее – симуляция (видимость демократии и права), стремящаяся доказать, что никакой симуляции нет, а имеет место подлинная демократия и правовое государство (Ж. Бодрийяр).

Каким образом повлияли глубинные пласты нашей идентичности на результаты глобализации, унификации, заимствования европейских социальных институтов? Пока как обычно, победой нашей ментальности над заимствованными институтами, перекодировкой социально-ролевых отношений в отношении между лицами. Не роли подчинили лица, а лица переписали роли.

Сказались ли заимствования на идентичности? Едва ли. Личный успех как мотив политико-экономической активности получил «права гражданства», однако свелся к демонстрации успеха и принадлежности к привилегированным

сословиям через потребление знаков престижа (власть, богатство, слава – твоя визитная карточка). Социальная идентичность не сменила этическую. В свете же морали расслоение прежнее: живущие по «понятиям» и сторонники высоких идеалов, помыслов и целей. Одно дело клясться ценностями, другое – следовать им.

The article deals with the difficulties of adapting of Slavic mentality to European values.

УДК 802.0

З. Э. Савич

Могилевский государственный университет продовольствия (Беларусь)

ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ КАК МЕТОД РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается использование проблемных ситуаций как метод обучения иностранному языку. Показывается, что разворачиванию ситуаций способствует использование опор, различных текстов, специальных групповых и индивидуальных заданий.

Современная стратегия профессионального образования направлена не только на усвоение профессиональных знаний, умений и навыков, но и на формирование и развитие личности будущего специалиста, способного ориентироваться в быстроменяющихся современных условиях, умеющего самостоятельно приобретать знания и применять их для решения практических задач. Это предполагает формирование профессионально-коммуникативной компетентности, которая в свою очередь предусматривает высокий уровень владения иностранным языком в профессионально-трудовой, бытовой и социально-культурной сферах.

Проблемный метод является средством повышения эффективности обучения иностранному языку: активизируется познавательная деятельность студентов, совершенствуется их самостоятельная деятельность, развивается творческий подход к овладению знаниями, умениями и навыками при изучении иностранного языка.

Эффективность достигается в первую очередь за счет подготовительного этапа, куда входит составление студентами вопросов по теме, определение последовательности высказываний при соблюдении этических норм, использование устойчивых выражений в речи, установление количества речевых фраз, составление аргументированных формулировок. С этой целью преподаватели на